

Капитан Копейкин

Капитан Копейкин — герой вставной новеллы об офицере, герое Отечественной войны 1812 года, потерявшем на ней ногу и руку и подавшемся от безденежья в разбойники. В вариантах «Повести» предполагалось бегство капитана Копейкина в Америку, откуда он направлял Александру I письмо о судьбе раненых и получал милостивый рескрипт государя. Новеллу (в своем «сказовом», комически многословном стиле) рассказывает в 10-й главе поэмы почтмейстер Иван Андреич.

Повод для рассказа прост. Чиновники города, озадаченные слухами о Чичикове — покупателе мертвых душ, обсуждают, кем же он может быть. Внезапно, после всеобщих долгих препирательств, почтмейстер вдохновенно восклицает: «Это, господа, судырь ты мой, не кто иной, как капитан Копейкин!» — и предлагает выслушать историю о нем, которая, «в некотором роде, целая поэма». Поэмой назван и гоголевский роман; так что почтмейстер невольно пародирует самого автора «Мертвых душ», а его «Повесть о капитане Копейкине» — роман в целом. Но это особая пародия, смешная и серьезная одновременно; она связывает в единый литературный узел все обсуждавшиеся чиновниками темы — об убийстве, о фальшивомонетчике, о беглом разбойнике — и во многом служит ключом ко всему тексту «Мертвых душ».

Оказывается, что капитан Копейкин был ранен под Красным или под Лейпцигом (то есть в одном из ключевых сражений великой войны) и стал инвалидом до послевоенных распоряжений Александра I о судьбе раненых. Отец не может кормить капитана Копейкина; тот отправляется искать царской милости в Петербурге, который в описании почтмейстера приобретает полусказочные черты — «сказочная Шахерезада», «Семирамида». В описании царственной роскоши Петербурга, показанной глазами впервые увидевшего ее героя («проносится заметная суета, как эфир какой-нибудь тонкий»), и особенно в описании правительственного здания на Дворцовой набережной пародийно повторен образ Петербурга и дворца, какими их видит Вакула-кузнец в повести «Ночь перед Рождеством». Но если там герою сопутствовала поистине сказочная удача, то здесь визит к «министру или вельможе», в котором легко угадываются черты графа Аракчеева, дает капитану Копейкину лишь ложную надежду.

На радостях отобедав в трактире, как «в Лондоне» (водка, котлеты с каперсами, пулярка) и потратив почти все деньги, Капитан Копейкин вновь является во дворец за обещанной помощью — чтобы услышать то, что отныне он будет слышать каждодневно: ждите. С одной «синюхой» в кармане, отчаявшийся, униженный, как может быть унижен только нищий посреди всеобщей роскоши, капитан Копейкин «неотвязным чертом» прорывается к вельможе-министру и дерзко требует оказать-таки помощь. В ответ на это «его, раба Божия, схватили, судырь ты мой, да в тележку» — и с фельдъегерем отправили вон из столицы. Доставленный в свою далекую губернию, капитан Копейкин, по словам почтмейстера, воскликнул: «Я найду средства!» — и канул в «эдакую Лету». А через два месяца в рязанских лесах объявилась шайка разбойников, атаманом которых был не кто иной... — и тут рассказчику напоминают, что у Чичикова и руки и ноги на месте. Почтмейстер хлопает рукой по лбу, обзывает себя телятиной, безуспешно пытается вывернуться (в Англии столь совершенная механика, что могут сделать деревянные ноги) — все напрасно. История о капитане Копейкине как бы уходит в песок, ничего не проясняя в вопросе о том, кто же такой Чичиков.

Но образ капитана Копейкина лишь кажется случайным, «беззаконным», вставным, а легенда о нем — никак сюжетно не мотивированной.

Тема нищего дворянина, безденежного капитана, «черт знает откуда» взявшегося, возникает уже в 6-й главе, где жадный Плюшкин жалуется Чичикову на соседа-капитана, который любит наезжать в гости. «Говорит, родственник». «У себя дома есть, верно, нечего, так вот он и шатается». Но еще раньше сам Чичиков, уезжая от Ноздрева, мысленно «отделяет» его, как плут-ямщик бывает отделан «каким-нибудь езжалым, опытным капитаном». Позже, в главе 10, во время болезни, Чичиков обрастет бородой, подобно капитану Копейкину, в главе 11 имя Капитана Копейкина словно нечаянно «аукнется» в жизненном наказе чичиковского отца: «копи копейку». Что же до образа «разбойника», то еще в 9-й главе «просто приятная дама» и «дама, приятная во всех отношениях» предполагают в Чичикове кого-то «вроде Ринальда Ринальдина», знаменитого героя романа Х. Вульпиуса о разбойнике.

Военное звание капитана по табели о рангах соответствовало штатскому чину титулярного советника, а это одновременно и объединяет несчастного Капитана Копейкина с другими «униженными и оскорбленными» персонажами социально-фантастических повестей Гоголя, титулярными советниками Поприциным («Записки сумасшедшего») и Акакием Акакиевичем Башмачкиным («Шинель»), и противопоставляет его им. По крайней мере — Башмачкину. Ибо в статской службе этот чин не давал дворянства, а в военной дворянство обеспечивалось уже первым обер-офицерским званием. В том-то и дело, что в отличие и от своего фольклорного прототипа, героя песен о «воре Копейкине», и от многочисленных персонажей-инвалидов русской послевоенной прозы и поэзии, и от их общего литературного предшественника — солдата из идиллии С. Геснера «Деревянная нога» — Капитан Копейкин дворянин, офицер. Если он и разбойник, то благородный. Эта деталь резко усиливает трагизм его истории; она связывает образ капитана Копейкина с пушкинскими замыслами романа о «Русском Пеламе», о джентльмене-разбойнике («Дубровский»). И она же — на пародийном, сниженном уровне — сводит к общему знаменателю все множество литературных ассоциаций, которые окружают романский образ Чичикова.

В повести о Капитане Копейкине, как в фокусе, сходятся чересчур разнообразные слухи о Чичикове; но из нее же лучами расходятся новые, еще более невероятные версии произошедшего. Чиновники задумываются: а не есть ли Чичиков Наполеон, нарочно отпущенный англичанами с острова Святой Елены, чтобы возмутить Россию. (Опять же почтмейстер, который служил в кампанию 1812 года и «видел» французского императора, уверяет собеседников, что ростом Наполеон «никак не выше Чичикова» и складом своей фигуры ничем от него не отличается.) От Чичикова-Наполеона следует естественный смысловой пронос к теме Чичикова-Антихриста; на этом чиновники останавливаются и, поняв, что заврались, посылают за Ноздревым.

И чем нелепее становятся их сравнения, чем немыслимее их предположения и «исторические параллели», тем яснее обнажается ключевая авторская идея 1-го тома «Мертвых душ». Наполеоновская эпоха была временем последнего торжества романтического, могущественного, впечатляющего зла; новое, «денежное», «копеечное» зло несправедливого приобретательства, олицетворением которого стал подчеркнуто-средний, «никакой» человек Чичиков, может в конечном счете обернуться незаметным для измельчавшего мира, а потому особенно опасным явлением Антихриста буржуазной эпохи. И это произойдет непременно, если не свершится нравственное возрождение каждого человека в отдельности и человечества в целом.